

DOI: 10.15372/HSS20180202
УДК 94(571.1/.5)“1920”

А.А. НИКОЛАЕВ

МЕЛКАЯ И КУСТАРНО-РЕМЕСЛЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В СИБИРИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА 1920 г.

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье выявляется состояние мелкой и кустарно-ремесленной промышленности в Сибири после окончания Гражданской войны, степень ее национализации, формы и методы государственного регулирования и управления, кратковременные и среднесрочные последствия политики военного коммунизма. Доказывается, что принудительное кооперирование кустарей, национализация кооперативных предприятий и другие меры не могли решить ключевые вопросы оживления предпринимательской активности населения. Возможность оживления кустарно-ремесленного сектора экономики ограничивалась не только полным расстройством хозяйственных связей, но и идеологической непримиримостью власти к частной собственности, а также неспособностью сложившегося в военных условиях аппарата управления использовать рыночные методы. Попытка на плановых основаниях дать позитивный импульс огосударственной промышленности не увенчалась успехом. Идея государственного главка на принципах хозрасчета была последней иллюзией, разбившейся о реалии хозяйственной жизни.

Ключевые слова: Сибирь, мелкая и кустарно-ремесленная промышленность, кустарно-промысловая кооперация, военный коммунизм, национализация промышленности, трудовые мобилизации.

A.A. NIKOLAEV

SMALL AND HANDICRAFT INDUSTRY IN SIBERIA UNDER CONDITIONS OF ECONOMIC CRISIS IN 1920s

Institute of History SB RAS,
8, Ak. Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article reveals the state of small and handicraft industry in Siberia after the Civil War, the degree of its nationalization, the state control and management forms and methods, short- and medium-term effects of «military communism». An interagency body – the Main Directorate for artisanal and small-scale industry and trade cooperation – was formed based on the apparatus of the Supreme Economic Council and the Commissariat of Agriculture in the early 1920s to manage handicraft industry. Its regional bodies were entrusted with the state orders distribution, raw materials provision, supplying artisans, products sale, enterprises' registration, financial and production-technological control implementation. To solve urgent economic problems, the new authorities used mechanism of labor mobilization combining self-employed craftsmen and artisans in small producers' artels, which were guaranteed raw materials provision, products sale, payment in kind. Such forced partnership of the «survival economy» allowed ensuring demand for a certain range of manufactured goods and the necessary subsistence minimum for the workers. The forced cooperation of artisans, nationalization of cooperative enterprises and other measures could not solve the key issues of the revival of population entrepreneurial activity. A significant number of industrial enterprises in Siberia, which became the state property, continued to be inactive.

The possibility of reviving the handicraft sector of the economy was limited not only by the complete breakdown of economic ties, but also by the authorities' ideological implacability and private property, as well as the incompetence of the military administration to use market methods. The attempt to give a positive impulse to the state industry on planned basis was not successful. The idea of the State Central Committee (Glavk) on the principles of self-financing was the last illusion ruined by the economic life realities.

Keywords: Siberia, small and handicraft industry, handicraft cooperation, military communism, industry nationalization, labor mobilization.

Анализ состояния мелкой и кустарно-ремесленной промышленности после окончания Гражданской войны имеет актуальное значение как для понимания

разрушительных последствий военного противостояния и определения стартовых условий перехода к новой экономической политике, так и для оценки эффек-

Александр Алексеевич Николаев – д-р ист. наук, заместитель директора, Институт истории СО РАН, e-mail: agronicol@gmail.com
Aleksandr A. Nikolaev – Doctor of Historical Sciences, deputy Director, Institute of History SB RAS.

тивности предложенных способов государственного регулирования. Именно тогда были апробированы методы военного коммунизма, основанные на концепции бестоварного социализма, ограничивавшие рыночное пространство и обнаружившие полную несостоятельность. Кратковременные и среднесрочные последствия этой политики еще не получили достаточного освещения в литературе. Отрывочные, но достоверные данные о состоянии мелкой промышленности в контексте чрезвычайной экономической политики содержатся в монографии В.В. Коновалова [1].

Основные усилия историков до недавнего времени концентрировались на изучении состояния и динамики крупной промышленности, к которой по критериям статистики 1920–1930-х годов относились заведения с численностью занятого персонала свыше 30 чел. без использования механического двигателя или свыше 16 чел. с использованием такового. Но даже они (по современным критериям – небольшие, а в лучшем случае – средние предприятия) оставались вне сферы исторического анализа. В центре внимания исследователей находились крупные государственные предприятия, вопросы управления отраслями тяжелой промышленности (угольной, металлургической, электроэнергетической), железнодорожным и водным транспортом. Изучением промышленного потенциала Сибири в данный период историки активно занимались в 1970–1980-е гг., что нашло отражение в фундаментальном коллективном труде – 2-м томе «Истории рабочего класса Сибири». Авторскому коллективу удалось показать состояние крупной индустрии, динамику промышленных кадров, обозначить дискуссионность проблемы выбора приоритетов в промышленной политике, связав ее с внутривластной борьбой. В то же время такие сюжеты, как роль мелкого промышленного производства и местной промышленности, кооперативных предприятий, формы и методы их государственного регулирования и управления оказались на периферии научного анализа, что препятствует реконструкции в полной мере процесса промышленной модернизации.

Противоборство красных и белых в годы Гражданской войны нанесло огромный урон крупным предприятиям, находящимся по линии железных дорог, в городах и рабочих поселках, а также самой железной дороге, включая мосты, инженерные сооружения, вагонно-паровозный парк, депо и ремонтные мастерские. Производственная база мелкой и кустарно-ремесленной промышленности подверглась меньшим разрушениям и деградировала из-за полного отсутствия инвестиций. Негативно на ее состоянии сказались и отвлечение мужского населения от мирного труда. Из 35 тыс. промышленных заведений, действовавших в 1920 г. в Сибири, более 90 % являлись кустарными и полукустарными заведениями [2, с. 111]. Основные фонды и оборудование маслодельных заводов, мельниц и крупорушек пришли в ветхое состояние. Долговременные военные действия оказали влияние и на кустарно-ремесленный сектор промышленности,

особенно на завершающем этапе Гражданской войны, когда на Сибирь распространилась практика военно-коммунистических методов регулирования экономики. Численность работников, занятых в кустарно-ремесленной промышленности, сократилась со 167,2 тыс. чел. в 1913 г. до 97,5 тыс. чел. в 1920 г., или в 1,7 раза. В меньшей степени пострадали сельские кустарные промыслы, в которых численность занятых сократилась со 131,6 тыс. чел. до 83,6 тыс. чел., или в 1,6 раза, и в большей степени – городские промыслы, здесь сокращение произошло с 35,6 тыс. чел. до 13,9 тыс. чел., или в 2,6 раза [3, с. 26–28].

Во многих городах, по сведениям товарного отдела Сибирского отделения Центросоюза, из-за отсутствия сырья замерла деятельность большинства заведений кустарной и частной промышленности. В Бийске выработка кож на 13 заводах сократилась в сравнении с мирным временем более чем в 3 раза [4, с. 232–234]. В сельских кустарно-ремесленных промыслах Томской губернии, по данным сельскохозяйственных переписей за 1917–1920 гг., численность занятых сократилась на 31,8 %, а по сопоставимым промыслам – на 48,2 %¹.

Одним из ключевых направлений реформирования экономики по социалистическим лекалам стала национализация частной собственности в промышленности, декларированная в программных документах коммунистической партии. Ее проведение на практике в условиях парализованной хозяйственной жизни поставило руководящие органы перед выбором – что лучше: синица в руках (хлеб насущный) или журавль в небе (модель нового общественного устройства). Эта двойственность отразилась в Декрете ВЦИК и СНК РСФСР от 26 апреля 1919 г. «О мерах содействия кустарной промышленности». В нем провозглашалось намерение устранить препятствия в развитии кустарных промыслов с целью улучшения снабжения населения. Но конкретных способов решения этой непростой задачи, за исключением передачи в государственную собственность мелких предприятий, использовавших наемный труд, предложено не было. Под национализацию попадали частные кустарные мастерские с механическим двигателем и наемным персоналом до 5 чел. или без механического двигателя с наемным персоналом до 10 чел. Мера, предложенная в законе как исключительная (только по решению Президиума ВСНХ), на практике приобрела широкий размах. «Красногвардейская атака на капитал» затронула большой слой мелких собственников. Презрение к частному капиталу оказалось доминирующим фактором в реализации практических задач реформирования экономики. К августу 1920 г. из 51,8 тыс. предприятий этих категорий по стране было национализировано 39,6 %, а в Сибири из 1209 предприятий государству отошла пятая часть (21,2 %) [1, с. 116–118].

¹ Народное хозяйство Томской губернии: сб. стат. и отчетно-ведомственных материалов за первую половину 1924 г. Томск, 1924. С. 95.

Более того, национализации подверглись предприятия кустарей, работавших с участием членов семьи, и те промыслы, в которых по технологическим особенностям невозможно было обойтись без учеников и вспомогательного персонала. Несмотря на то, что они трудно поддавались учету к осени 1920 г. по стране было национализировано пятая часть (19,9 %) предприятий с одним наемным работником [5, с. 255], в Сибири, по нашим подсчетам, – 7,6 % предприятий с одним наемным рабочим и 13,5 % – с двумя².

В конце 1920 г. национализация вступила в завершающую фазу. В целях упрощения бюрократических процедур по реализации декрета СНК РСФСР от 26 апреля 1919 г. национализация оговоренных в нем мелких предприятий была переведена из категории «особых случаев» в автоматический режим. В конце ноября 1920 г. Президиум ВСНХ, руководствуясь декретом Совнаркома от 7 сентября 1920 г. «О регулировании кустарных промыслов и не национализированной промышленности», принял решение об обобществлении мелких предприятий, которое ранее допускалось в исключительных случаях – по особому решению центра. 27 ноября 1920 г. Сиббюро ЦК РКП(б) по телеграфу получило текст постановления ВСНХ РСФСР, позволявшего в автоматическом режиме национализировать промышленные предприятия в Сибири, находившиеся в ведении частных лиц или обществ и подпадавшие под критерии, оговоренные в Декрете ВЦИК и СНК РСФСР от 26 апреля 1919 г. [6, с. 86]. Эти правительственные решения позволяли юридически закрепить реальные границы осуществленной уже национализации мелкой промышленности и упростить процесс передачи в государственную собственность оставшихся предприятий. В Сибири к этому времени 326 предприятий данной группы были уже национализированы, а 198 предстояло национализировать [1, с. 108, 119, 120]. Кустарные мастерские, владельцы которых скрылись по политическим мотивам, не будучи национализированными, автоматически переходили в ведение местных совнархозов³. Но все же часть мелких предприятий, попадавших под действие новых законов, оставалась в частном владении. Местные совнархозы не успевали принимать все предприятия мелкой промышленности. Многие из них были национализированы лишь формально, а фактически вплоть до перехода к нэпу оставались в распоряжении владельцев [7, с. 294].

Решая задачу расчистки поля для социалистических преобразований в кратчайшие сроки, большевики не могли не затронуть кооперацию, которая по свежим событиям Гражданской войны не занимала лояльной позиции к победителям. В Сибири конкретными поводами для изъятия в государственную собственность кооперативных предприятий служили чаще всего политические причины, а также случаи приобретения

кооперацией предприятий эмигрировавших частных собственников. В течение первого квартала 1920 г. в государственную собственность перешли типографии, мельницы, лесопильные и шерсточесальные заводы, фарфоро-фаянсовая фабрика (г. Иркутск), речные суда, принадлежавшие потребительской кооперации. Ущерб от привносимой в производство дезорганизации был ощутимым, и уже в марте 1920 г. наметилось отрезвление политического руководства. Сибревком начал отменять решения губернских и уездных властей. 7 марта 1920 г. были денационализированы все кооперативные предприятия г. Мариинска, чуть позже – пимокатная и кузнечно-слесарная мастерские в г. Татарске⁴. Это свидетельствовало об ослаблении сугубо политико-идеологических мотивов национализации и выдвигании в повестку дня соображений хозяйственной целесообразности. Но отождествление кооперации с частным бизнесом оставалось устойчивым стереотипом в сознании местной хозяйственно-политической элиты.

Политико-идеологические факторы зачастую преобладали над законодательными актами советской власти, о чем свидетельствует, в частности, история смежных собственников фарфоро-фаянсовой Хайтинской фабрики в Иркутске. Она была приобретена Закупсбытом 23 января 1920 г. у частного торгового дома «Щелкунов и Метелев» и в конце февраля перешла в собственность Сибирского отделения Центросоюза. 20 июня 1920 г. постановлением Иркутского губсовнархоза фабрика была национализирована. Смешанная комиссия Иркутского губернского экономического совещания, рассмотрев вопрос о возврате фабрики кооперации 31 августа 1922 г., решила спор в пользу государства. Комиссии пришла к заключению, что Центросоюз, как частнопроводовая организация, построенная на коммерческих началах, может пренебречь общественными интересами в угоду выгодных для себя торговых операций⁵.

На отвоеванной у частной собственности территории была реализована модель экономической организации, обозначенная в литературе как военный коммунизм; она характеризовалась административным ограничением рыночного пространства и государственной монополизацией системы распределительных отношений. В качестве вне рыночных посредников кустарных предприятий выступали государственные регулирующие органы в лице Сибсовнархоза, продовольственных и заготовительных комитетов, а также жестко подчиненный им заготовительный аппарат потребительской кооперации. Промышленные предприятия в ответ на поставки сырья обязывались сдавать государству готовую продукцию. К осени 1920 г. в Сибири на вольный рынок работало только 2,6 % учтенных промышленных предприятий, 6,5 % выполняло заказы кооперации, 80,9 % – государства [1, с. 143].

² Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923 гг. // Тр. ЦСУ. 1924. Т. 18. С. 165 (подсчет автора).

³ ГАНУ. Ф. Р-1359. Оп. 1. Д. 81. Л. 21.

⁴ Там же. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 211. Л. 4, 5, 11, 18; Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 981. Л. 81.

⁵ Там же. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 981. Л. 84 об.

Для организации производства и управления мелкой национализированной собственностью в конце 1919 – начале 1920 гг. была создана громоздкая вертикаль на базе аппаратов ВСНХ и Наркомзема. Новый хозяйственный главк – Главкустпром (Главное управление по делам кустарной и мелкой промышленности и промысловой кооперации) и его региональное подразделение – Сибкустпром получили широкие полномочия. Основные его функции состояли в регистрации предприятий, обеспечении их сырьем и материалами, сбыте продукции, распределении государственных заказов, осуществлении финансового и производственно-технологического контроля.

Получив в свое распоряжение мощные административные ресурсы, главк приступил к вербовке рабочей силы, что было не сложно в условиях безработицы. Наиболее приемлемым оказался механизм трудовых мобилизаций и создания кустарно-промысловых артелей, которым гарантировалась поставка сырья, сбыт продукции, натуральная оплата труда. Это вынужденное партнерство «экономики выживания» позволяло обеспечивать спрос на определенную номенклатуру промтоваров, а работников – прожиточным минимумом. В Алтайской губернии в конце 1920 г. членам кустарно-промысловых артелей выдавался месячный паек, включавший 25 фунтов муки, 4 фунта мяса, 2 фунта соли, 2 фунта крупы, по четверти фунта мыла и чаю и 2 коробки спичек. За сверхплановую продукцию производилось премирование в натуральной форме: за 100 лопат – 5 фунтов керосина, за 20 бочек – 4 фунта соли, 30 фунтов муки и 4 коробки спичек⁶.

Производственные и кустарные отделы местных совнархозов в директивном порядке могли перевести членов артелей на положение фабрично-заводских рабочих, заставить работать в необорудованных помещениях или иными способами ущемлять правовой статус своих подчиненных⁷. Взаимоотношения между заказчиками и исполнителями колебались, в зависимости от конкретных обстоятельств, в широком диапазоне вплоть до применения принудительных мер. Интересное сообщение, отражающее характер взаимоотношений государственных органов и временных объединений кустарей, пришло в середине 1920 г. от Енисейского губсовнархоза в Сибсовнархоз: «В связи с тяжелым положением продовольственного вопроса и обесцениванием денежных знаков артельщики разбегаются из артелей, что повело на местах (в Канском, Ачинском, Минусинском уездах) к ряду мероприятий <...>, выразившихся в прикреплении ремесленников к соответствующим мастерским»⁸.

Таким образом, в течение 1920 г. новая большевистская власть кардинально решила вопрос о собственности не только в крупной, но и в значительно мере в мелкой промышленности. Военно-коммунисти-

ческие способы регулирования мелкого и кустарно-ремесленного производства, принудительное кооперирование кустарей на основе трудовых мобилизаций, национализация кооперативных предприятий и другие меры не могли коренным образом повысить предпринимательскую активность населения. Значительное количество промышленных предприятий в Сибири, хотя и перешло в собственность государства, по-прежнему бездействовало из-за жесточайшей разрухи, отсутствия финансовых средств и сырья [8, с. 10]. Несмотря на это, руководящие хозяйственные органы сохраняли приверженность принципам тотального огосударствления производства, что было зафиксировано в тезисах доклада Сибкустпрома Сибирскому съезду губсовнархозов «О кустарной и мелкой промышленности» (конец 1920 г.)⁹.

Ошибочность политики военного коммунизма, связанной с чрезмерной национализацией торговли и промышленности, а также с запретом местного оборота, была признана В.И. Лениным на X съезде РКП(б), состоявшемся в марте 1921 г. [9, с. 63]. И эти перегибы удалось легко и быстро устранить административными решениями, практикуя возврат собственности прежним владельцам и введение процедуры выборки патентов (разрешений) на занятия промыслами. На изменение сознания правящей элиты потребовался более длительный срок. Неприятие мелкой частной собственности в промышленности сохранялось вплоть до середины 1920-х гг. Выступая на XII съезде РКП(б) (апрель 1923 г.) с докладом о промышленности, Л.Д. Троцкий назвал кустарей конкурентами, стоящими на одном уровне с частными промышленниками, торговцами и контрабандистами [10, с. 317, 319]. Хотя ряд делегатов съезда выступил против аргументации Л.Д. Троцкого, его речь имела влияние на партийную аудиторию. Прагматичное крыло правящей элиты, в отличие от идеологов, оторванных от реальных корневых проблем, ориентировалось на включение кустарной промышленности в процесс нормализации экономической обстановки, рассматривало ее как реальный источник пополнения государственного бюджета и создания накоплений для индустриального роста. На XIV конференции РКП(б) (апрель 1925 г.) с критикой идеологизированных подходов, исходивших от Л.Д. Троцкого, выступил Ф.Э. Дзержинский. «С легкой руки некоторых товарищей, – говорил он, – если вспомнить XII съезд, наше отношение к мелкой кустарной промышленности очень часто было такое, как к конкурентам, как к врагам <...> Крупная промышленность не может держать в голоде страну из-за ничтожных размеров своих изделий. Это в рабоче-крестьянской стране было бы приговором для крупной промышленности <...> мы должны в нашей работе и планах базироваться на тех кустарях, которые могут в значительной мере восполнить недостачу продукции крупной промышленности» [11, с. 166]. Эта политическая декларация

⁶ ГАНО. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 891, Л. 2.

⁷ Там же. Д. 56. Л. 13, 14, 25.

⁸ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1691. Оп.5. Д. 41. Л. 21 об.

⁹ Там же. Л. 1.

окончательно подводила черту под ошибочными решениями о национализации мелких частных и кооперативных промышленных предприятий.

Дискуссия в верхних эшелонах власти нашла отражение и в региональных управленческих элитах. Переход к нэпу обнажил два разных подхода к проблеме государственного регулирования кустарной промышленности и промысловой кооперации, что проявилось в различных вариантах рекомендаций, подготовленных для Сибревкома и Сибромбюро ВСНХ в конце 1921 г. В документах новых советских назначенцев давались рекомендации по совмещению принципов материальной заинтересованности с военно-коммунистическими методами управления. Требовалось оставить жесткое подчинение кустарной промышленности единому органу в составе Сибпромбюро ВСНХ, установить ограничения на реализацию кустарных изделий помимо государства, а также принять меры по преодолению капиталистических тенденций в развитии кооперации.

Более компетентными и реальными для практики хозяйственного управления представлялись тезисы «О кустарях, мелких предприятиях и промысловой кооперации», рожденные в недрах руководства кустарно-промысловой кооперации, где еще трудились работники с дореволюционным стажем работы. Документ сопровождался пометой Федора Сазонова: «Г. Майский. Прошу Вас просмотреть тезисы о кустпромшенности, вносимые в Сиббюро ВСНХ, Сиббюро ЦК и Сибревком. Если есть поправки и возражения, то просил бы уведомить меня, чтобы можно было согласовать»¹⁰. В тезисах отмечалось, что государственные органы должны заниматься регистрацией кустарей и их объединений, создавать более благоприятные условия для кооперации в снабжении сырьем, топливом, оборудованием, обеспечении заказами. Мелкие артели и союзы не выше губернского уровня должны регистрироваться явочным порядком и свободно распоряжаться своей продукцией. Кустарно-промысловая кооперация должна стать самостоятельной кооперативной системой. Национализация предприятий могла осуществляться не иначе, как по постановлению Сибпромбюро ВСНХ. Значительная часть этих идей была реализована, но только два года спустя.

Реально же в условиях нэпа была предпринята попытка перевести органы государственного регулирования кустарно-ремесленной промышленности на коммерческие основания. 4 января 1922 г. на места была разослана телеграмма Главкустпрома «О переходе на хозрасчет», в которой указывалось, что с 1 января 1922 г. производственные операции кустпромов снимаются с государственного обеспечения, вводится коммерческий расчет на основе денежных знаков. В мае 1922 г. в Главкустпроме было образовано торгово-промышленное управление (Кустпромторг), которое занялось снабжением государственных органов и предприятий кустарными изделиями особой важно-

сти и ценности [12, с. 526]. В соответствии с указаниями центра в августе 1922 г. была изменена структура Сибкустпрома. Смысл реорганизации заключался в усилении торгово-посреднических и заготовительных операций¹¹. Однако попытки государственных чиновников заняться коммерческой деятельностью окончились полным провалом. Административный произвол и взяточничество привели к уходу кустпромов с реального экономического поля.

Многочисленные негативные факты и оценки заставили высшие органы государственного управления отказаться от попыток прямого регулирования кустарно-ремесленной промышленности и ликвидировать соответствующий отдел в структуре ВСНХ. В конце 1923 г. по решению местных руководящих органов и с согласия центра Сибкустпром был ликвидирован. Окончательно это решение было закреплено в постановлении президиума Сибпромбюро ВСНХ, заслушавшего 17 июля 1924 г. отчет ликвидационной комиссии¹². По мнению представительства Наркомвнуторга СССР по Сибири, деятельность Сибкустпрома принесла государству значительные убытки, и Сибревком справедливо возбудил против него судебное преследование¹³.

Таким образом, в 1920 г. размеры кустарно-ремесленной промышленности в Сибири под влиянием деструктивных факторов Гражданской войны существенно сократились по сравнению с мирным временем, причем в большей степени в городе, чем в деревне. Осуществив в 1920 г. национализацию промышленных предприятий, государственный аппарат в условиях полномасштабного экономического кризиса произвел своеобразную ревизию производственных фондов. Но попытка на плановых внерыночных основах дать позитивный импульс огосударственной промышленности не увенчалась успехом. Возможность оживления ее кустарно-ремесленного сектора ограничивалась не только полным расстройством хозяйственных связей, но и идеологической непримиримостью власти к частной собственности, а также беспомощностью сложившегося в военных условиях аппарата управления, который не сумел использовать рыночные методы. Идея государственного главка на принципах хозрасчета была последней иллюзией, разбившейся о реалии хозяйственной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коновалов В.В. Мелкие промышленники Сибири и большевистская диктатура. Новосибирск, 1995. 219 с.
2. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1982. 425 с.
3. Николаев А.А. Мелкая промышленность и кустарные промыслы Сибири в советской кооперативной системе (1920 – середина 1930-х гг.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. 140 с.
4. Закупсбыт: хронико-документальная летопись первого общесибирского потребительского союза. Новосибирск: Наука. 1999. 327 с.

¹¹ ГАНО. Ф. Р-918. Оп. 1. Д. 143. Л. 49.

¹² Там же. Д. 672. Л. 7.

¹³ Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 6. Л. 114 об.

¹⁰ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 729. Л. 25, 28, 91.

5. Изменение социальной структуры советского общества (октябрь 1917 – 1920 гг.). М., 1976. 427 с.
6. Сибирский революционный комитет (август 1919 – декабрь 1925): сб. документов и материалов. Новосибирск, 1959. 658 с.
7. Белостецкий В. Правовое положение частного капитала // Частный капитал в народном хозяйстве СССР: материалы комиссии ВСНХ СССР. М.; Л., 1927. С. 290–305.
8. Сибпромбюро ВСНХ, Сибторг. Промбанк. Итоги и перспективы. Новониколаевск, 1925. 80 с.
9. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43.
10. Двенадцатый съезд РКП(б): стеногр. отчет. М., 1968. 904 с.
11. Четырнадцатая конференция РКП (б): стеногр. отчет. М.; Л., 1925. 335 с.
12. Моргенитерн В. Кустарная промышленность и промысловая кооперация // Народное хозяйство России за 1921/22 г. М., 1923.

REFERENCES

1. *Kononov V.V.* Small industrialists of Siberia and the Bolshevik dictatorship. Novosibirsk, 1995, 219 p. (In Russ.)
2. The working class of Siberia in the period of socialism building (1917–1937). Novosibirsk, 1982, 425 p. (In Russ.)
3. *Nikolaev A.A.* Small industry and handicrafts of Siberia in the Soviet cooperative system (1920 – mid 1930s). Novosibirsk, Publishing House of SB RAS, 2000, 140 p. (In Russ.)
4. *Zakupsbyt*: the documentary chronicle of the first All-Siberian Consumer Union. Novosibirsk, Nauka, 1999, 327 p. (In Russ.)
5. The social structure change of the Soviet society (October 1917 – 1920). Moscow, 1976, 427 p. (In Russ.)
6. Siberian Revolutionary Committee (August 1919 – December 1925): collection of documents and materials. Novosibirsk, 1959, 658 p. (In Russ.)
7. *Belostotskiy V.* The legal status of private capital. *Chastnyy kapital v narodnom khozyaistye SSSR: materialy komissii VSNKh SSSR*. Moscow; Leningrad, 1927, pp. 290–305. (In Russ.)
8. Siberian Industrial Bureau. Siberian Trade Bureau. Industrial bank. Results and prospects. Novonikolaevsk, 1925, 80 p. (In Russ.)
9. *Lenin V.I.* Omnibus edition. Moscow, 1970, vol. 43, 552 p. (In Russ.)
10. Twelfth Congress of the Russian Communist Party of Bolsheviks: verbatim records. Moscow, 1968, 904 p. (In Russ.)
11. Fourteenth Conference of the Russian Communist Party of Bolsheviks: verbatim record. Moscow; Leningrad, 1925, 335 p. (In Russ.)
12. *Morgenstern V.* Craft industry and trade cooperation. *Narodnoe khozyaystvo Rossii za 1921/22 g.* Moscow, 1923. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 15.03.2018